

МОЛОДЕЖНЫЙ ВЫЗОВ НА РОССИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ: ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В КАРЕЛИИ, КОМИ, УДМУРТИИ, МАРИЙ ЭЛ И МОРДОВИИ

Ю. П. Шабает

Институт языка, литературы и истории Коми
научного центра Уральского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 167982, Сыктывкар, ГСП-2, Коммунистическая ул., 26

Статья посвящена анализу взглядов и позиций молодежи в так называемых финно-угорских республиках РФ. В ее основу положена серия опросов, проведенных в пяти республиках в 2020 г., а также данные официальной статистики и другие материалы. Показано, что многосторонний кризис, который имеет место в данных республиках, оказывает серьезное влияние на позиции и ориентации молодежи и вызывает в ее среде рост протестных настроений, снижение доверия к региональным и федеральным политическим институтам и другие негативные явления. Основной формой протеста стала массовая миграция молодежи за пределы своих республик. Вместе с тем зафиксирована довольно высокая степень готовности молодых людей к активным протестным действиям. Значение этничности для социального и культурного позиционирования молодежи невелико, этнические конфликты имеют место, но носят бытовой и латентный характер. В целом молодежь выступает за равенство представителей всех этнических групп в политической и социальной жизни республик, а этнические предрассудки, встречающиеся в молодежной среде, являются скорее следствием отсутствия активной интеграционной политики в регионах, но не обусловлены влиянием идеологии этнического национализма и пропагандой идеологов и активистов этнических движений. Этнические организации большинству молодых людей не интересны, а влияние старшего поколения и его ценностей (включая ценности традиционной культуры) ограничено, ибо культурная среда молодежи формируется прежде всего под влиянием информационных коммуникаций и интернет-ресурсов. Этнические идеалы и ценности не вписываются в это пространство, а потому этнические движения финно-угров лишены молодежной аудитории.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, этничность, социальные риски, молодежный протест.

ВВЕДЕНИЕ

Любое общество можно охарактеризовать через половозрастную структуру его населения, ибо соотношение полов и возрастных когорт есть важный показатель, свидетельствующий о благополучии или неблагополучии социума, потенциале его развития. В связи с этим перспективы развития региональных сообществ надо оценивать начиная с анализа их демографической динамики. Но простой демографический анализ ситуации в регионах мало что дает для понимания социальных, этнокультурных и политических процессов, которые здесь имеют место быть, а особенно для понимания того, какие социальные

риски таят в себе происходящие перемены. Поэтому целью нашей статьи является анализ политических, социальных и этнокультурных взглядов молодежи национальных республик и соотнесение этих взглядов с демографическими и социально-экономическими реалиями, воздействующими на ее ориентации.

В основу статьи положены результаты массового опроса, проведенного в октябре 2020 г. в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии. Этот опрос стал продолжением трех предыдущих, которые последовательно проводились в 2017, 2018 и 2019 гг. на территориях названных республик за исключением Карелии. Методика и инструментарий опросов 2017 и 2018 гг. разработаны Институтом этнологии и антропологии РАН [Этнокультурное содержание..., 2017] и в модифицированном виде использованы нами. Опросы 2019 и 2020 гг. проводились в рамках госзаданий, выполняемых Центром социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ. В 2020 г., как и в 2017 г., мы опрашивали 150 школьников, но решили ограничить выборочную совокупность только учащимися 11-х классов, одновременно проводился опрос 150 студентов столичных вузов и 30 экспертов. В итоговом анализе были использованы данные исследований, проводившихся в названных республиках с середины 1990-х годов, статистические материалы, этнографические наблюдения.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ РЕСПУБЛИК С ФИННО-УГОРСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

Для понимания ситуации в республиках, которые местные этнические и политические элиты с начала 1990-х годов называют «финно-угорскими», а представители национальной интеллигенции склонны именовать еще и частью некоего «Финно-угорского мира» [Шабает, Чарина, 2010].

Общая численность населения этих республик на 1 января 2021 г., по данным текущей статистики, составляла: Карелия — 609 тыс. чел., Коми — 814 тыс. чел., Удмуртия — 1493 тыс. чел., Марий Эл — 676 тыс. чел., Мордовия — 779 тыс. человек. С 1989 по 2020 гг. население Коми сократилось на 35 %, Карелии — на 22 %, Удмуртии — на 10 %, Марий Эл — на 14,5 %, Мордовии — на 19 %. Главной причиной снижения численности является отток населения за пределы республик. В результате оттока постоянных жителей происходит общее старение населения, сокращается рождаемость, растет смертность.

В статистическом сборнике «Молодежь в России 2010» приведены данные о доле молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет в общем составе населения субъектов российской Федерации в 2009 г. В Карелии эта возрастная группа составляла 23,6 %, в Коми — 24,0 %, в Республике Марий Эл — 24,6 %, в Мордовии — 22,0 %, в Удмуртии — 23,7 % [Молодежь в России, 2010].

Но за последние десять лет в результате оттока молодежи из названных республик доля молодежи существенно сократилась. Так, по данным Карелиястата, в 2018 г. доля молодых людей в составе населения республики равнялась 15,5 % [Распределение численности...], т. е. за десятилетие снизилась на 8 %. Примерно то же самое происходило и в других республиках. К примеру, в «Концепции молодежной политики в Республике Коми» приведены данные, согласно которым в 2014 г. численность молодых люди в возрасте 15–29 лет составляла

168473 человека, что равнялось тогда 19,3% населения, а по данным территориального органа государственной статистики по Республике Коми, в 2019 г. численность молодых людей в возрасте 15–29 лет равнялась 128 925 чел., или 15,5% от общей численности населения, т.е. за 5 лет численность молодежи в республике сократилась на 8,5% [Демографическая ситуация..., 2020]. Это чрезвычайно высокие темпы сокращения. В Удмуртии доля молодежи, по данным текущей статистики, в общем составе населения составляет сегодня 18,8% [О государственном докладе, 2020], в Мордовии — 17% [В Мордовии сосчитали молодежь, 2020], но имеет место последовательное снижение доли этой возрастной группы в составе населения. В Марий Эл доля молодежи в общей численности населения составляет ныне 15,8%.

Причины массового оттока населения из указанных республик кроются в общем характере развития данных регионов.

В числе наиболее острых проблем регионального развития следует выделить шесть ключевых: 1) отсутствие устойчивого и сбалансированного экономического роста; 2) хронический аграрный кризис; 3) бедность; 4) неразвитость рынка труда; 5) демографический кризис; 6) наличие внутренних культурных границ и несформированность интегрированных республиканских сообществ. Глубокий анализ указанных проблем есть предмет отдельного анализа, поэтому мы только кратко затронем некоторые из них.

О демографических проблемах уже отчасти сказано выше, но для полноты картины сошлемся еще на некоторые данные, которые весьма показательны. В Коми, по данным текущей статистики, естественный прирост еще в 2013 г. был положительным — 0,3 на 1000 населения, но уже в 2017 г. он стал отрицательным — 0,3 на 1000 населения, причем отрицательные значения в последующие два года выросли до — 2,4 (т.е. в 8 раз!). Еще более проблемной является демографическая ситуация на селе и в среде титульных групп населения, поэтому не случайно демографы называют финно-угорские народы «сидеющими народами» [Шабаев, Садохин, 2015].

Формально в последние годы экономический рост имел место во всех пяти названных республиках, но заметные темпы роста демонстрировала только Удмуртия, которая относится к старопромышленным регионам с развитой промышленностью и достаточно богатой ресурсной базой.

При этом если соотнести динамику сокращения численности населения и динамику роста валового регионального продукта (ВРП) на душу населения за последние два десятилетия (с обязательной поправкой на инфляцию), то получается, что официальные показатели экономического роста окажутся совсем неубедительными (табл. 1). Если в целом экономика РФ за последние 20 лет выросла вдвое (в среднем реальный рост экономики за 1999–2018 гг. составил 223,1%), то по разным регионам различия будут довольно весомыми. К примеру, в Дагестане экономика выросла в пять раз, в Ленинградской области — в 3,5 раза, а в Республике Коми только на 29,2%, но этот рост следует признать условным, ибо никакого реального роста экономики не было. Показатели изменились только из-за масштабного оттока населения из республики, которое за указанный период сократилось на 22%, а также роста цен. Если учесть эти

показатели, то получается, что в душевом исчислении никакого роста экономики не было. И более того, даже абсолютные показатели в расчете на душу населения стали сокращаться в последние годы, хотя темпы оттока населения несколько снизились. Так, в расчете на душу населения ВРП в 2018 г. был почти на тысячу рублей меньше, чем в 2010 г. (табл. 1).

Таблица 1. **Совокупный реальный экономический рост по республикам за 1999–2018 гг.**

Регионы	Реальный экономический рост за 1999–2018 гг., %	ВРП на душу населения в постоянных ценах 2018 г., руб.	
		2010	2018
Республика Карелия	157,89	405 773	451 437
Республика Коми	129,21	806 324	796 761
Республика Марий Эл	206,73	200 537	260 846
Республика Мордовия	264,11	203 351	284 010
Удмуртская Республика	173,04	358 314	417 899

Составлено по: Данные текущей статистики [Регионы России..., 2000; Регионы России..., 2018].

В других республиках с финно-угорским населением рост экономики тоже был небольшим и существенно уступал медианному значению по России в целом — 213,3%. Только в Марий Эл и Мордовии показатели роста были близки к общероссийским или даже превосходили их, хотя в денежном выражении ВРП обеих республик был невелик и уступал, к примеру, ВРП Ханты-Мансийского автономного округа более чем в десять раз, а Ненецкого автономного округа — почти в тридцать.

Следует заметить, что большинство коми в Республике Коми, удмуртов в Удмуртии, марийцев в Марий Эл и мордвы в Мордовии и сегодня являются сельскими жителями. Между тем, если говорить об аграрном секторе экономик республик с финно-угорским населением, то кризисные явления в нем стали практически нормой, а валовой объем сельскохозяйственной продукции постоянно и существенно сокращается. В последние годы господдержка аграрного производства позволила многим предприятиям остаться «на плаву», но в Карелии, к примеру, региональная пресса прямо писала об аграрном кризисе: «В последнее время вести с карельских полей все чаще похожи на хронику происшествий: сотрудникам агрофирмы “Тукса” задерживают зарплату, на Медвежьегорском молокозаводе стадо продают за долги, в Пряжинском зверосовхозе нечем кормить коров, а пушные зверьки едят друг друга от голода... При этом стоит заметить, что доля убыточных предприятий в хозяйственном комплексе Республики Карелия выше, чем в любом другом субъекте СЗФО и наименьшей она была в 2017 г. — 39,1%, но в иные годы стабильно держалась выше 40% [Лычагин, 2017] Пандемия коронавируса и экономический кризис

очень серьезно подорвали позиции карельских производителей, но то же самое имеет место и в других республиках с финно-угорским населением.

В наиболее благоприятных природно-климатических условиях находятся аграрные комплексы Марий Эл и Мордовии. Но и здесь кризис очевиден. Можно взять для примера Мордовию. «Уровень продуктивности земледелия Республики Мордовия, является неустойчивым по годам и находится в большой зависимости от погодных условий. Анализ основных показателей развития отраслей животноводства позволяет охарактеризовать глубину его кризиса. Так, в последнее десятилетие значительно снизилось поголовье всех видов скота. Сопоставление поголовья скота 2011 г. с предыдущими годами показывает, что поголовье КРС соответствует уровню 1958 г., по численности коров 1941 г., по численности свиней 1980 г., а поголовье овец сократилось по сравнению с 1916 г. в 14 раз... За 1996–2005 гг. происходило сокращение численности сельскохозяйственных предприятий... В 1990 г. в сельском хозяйстве республики было занято 96 тыс. работников, а к 2011 г. их стало 21,9 тыс. человек, т.е. численность занятых сократилась в 4,4 раза... Многие из них оказались безработными, часть них стали пенсионерами, возросла численность больных неспособных к трудовой деятельности, наиболее энергичная часть молодых более квалифицированных работников выехали в другие регионы страны» [Прока, Мартынов, 2019].

Следствием недостаточной эффективности региональных хозяйственных комплексов республик является их финансовое положение. Так государственный долг Мордовии в 2018 г. достиг 200 % ВРП, а дефицит бюджета стал рекордным за все постсоветские годы. В 2020 г. он достиг уровня 211,5 % по отношению к налоговым и неналоговым доходам региона. Однако даже у «благополучной» Удмуртии это соотношение в 2020 г. составило 105,9%. У Карелии, Марий Эл и Коми соответственно — 72,7%, 69,7% и 44,4% [Рейтинг субъектов..., 2020], что отнюдь не свидетельствует о финансовом «здоровье» регионов.

Не менее показательны и данные статистики, характеризующие уровень жизни населения республик. Наиболее наглядны данные текущей статистики за первый квартал 2020 г., когда эпидемия и мировой экономический кризис еще не оказывали мощного влияния на производство и социальную сферу. Эти данные свидетельствуют, что по размеру начисленной среднемесячной заработной платы, среднедушевым месячным доходам и расходам республики с финно-угорским населением существенно отстают от среднероссийских показателей. Единственным исключением является Республика Коми, где размер среднемесячной заработной платы составил в 2020 г. 66 130 руб. (в РФ — 62 239), но поскольку цены на товары первой необходимости здесь существенно выше, чем в среднем по стране, на услуги могут быть выше в 2–3 раза и более, а потребность в сбалансированном питании, одежде, медицинском и курортном обслуживании выше, чем у жителей других регионов, постольку расчет по совокупности данных показывает, что жители Коми (как и Европейского Севера в целом) живут сегодня хуже среднестатистического россиянина [Шабаев, Подоплекин, 2017]. Показательно, что средняя начисленная заработная плата в Удмуртии в первом квартале 2020 г. была в полтора раза меньше, чем по РФ

в целом, в Марий Эл и Мордовии — почти в два раза меньше. Другим показателем социального неблагополучия названных республик является уровень бедности. Хотя согласно данным официальной статистики он снижался в последние годы (объективных предпосылок для этого, однако, не было), в 2019 г. он был ниже среднероссийского показателя, причем существенно, за исключением Удмуртии, где доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 12,4% (по РФ — 12,3), в Карелии этот показатель составил 15,7%, в Коми — 15,5%, в Марий Эл — 20,1%, в Мордовии — 18,0% [Доля населения..., 2020].

Не менее показателен и рейтинг качества жизни по регионам РФ, опубликованный в 2021 г. Самую высокую позицию в этом рейтинге заняла Удмуртская республика — 47 позиция, которая, однако, в предыдущем году занимала 39 место в рейтинге. Марий Эл оказалась на 52 позиции, Мордовия — на 62, Коми — на 71, Карелия — 72 [Рейтинг регионов..., 2021].

Дополнить вышеприведенные данные можно социологическим анализом положения молодежи в самой динамично развивающейся «финно-угорской республике» — Удмуртии. С 2001 г. на ее территории осуществляется ежегодный мониторинг социального положения молодежи. Результаты мониторинга показывают, что базовые потребности молодежи в целом и молодых семей в частности удовлетворяются плохо, более того, происходит ухудшение социально-экономического положения этой возрастной группы. Так если в 2009 г. 7,6% опрошенных молодых людей заявляли, что могут позволить себе покупку автомобиля, то в 2019 г. таковых было 5,9%, если в 2009 г. 34,6% молодых людей утверждали, что могут позволить себе покупку холодильника и телевизора, то в 2019 г. таких было 31,4%. Наименее обеспеченная часть — это та, у которой денег хватает только на приобретение продуктов питания. В 2009 г. об этом заявили 10,5% респондентов, в 2019 г. — 14,8%, соответственно. 17,1% молодых людей в Удмуртии относятся к числу тех, кого принято считать бедными, а почти половина — к малообеспеченным [Обухова, Колесников, 2019, с. 132]. Таким образом, уровень бедности среди молодежи выше, чем среди населения республики в целом. Названные выше проблемы, конечно, не могли не сказываться на положении, социальных и настроениях молодежи.

МОЛОДЕЖНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Первое, что обращает на себя внимание при анализе данных опроса 2020 г., — низкий уровень социального оптимизма у молодежи, что, на наш взгляд, является следствием хронических кризисных явлений, имеющих место на российской периферии в целом и в национальных республиках в частности. Так, в Коми о своей уверенности в будущем заявило только 14% молодых людей, а 17,3% студентов и 25,3% школьников указали, что испытывают тревогу и неуверенность, когда думают о будущем. При этом 52,3% студентов и 44,0% школьников заявили, что они надеются на лучшее, т. е. проявляют осторожный оптимизм. В целом по всем пяти республикам примерно половина респондентов придерживается такой же позиции. Ответы на вопрос о будущем тесно

коррелирует с социально-экономической ситуацией в республиках. В самой успешной и достаточно динамично развивающейся республике, Удмуртии, общая доля респондентов, с уверенностью смотрящих в свое будущее, является наивысшей — 21 %. А в самых проблемных — Марий Эл и Мордовии — доля тех, кто с тревогой смотрит в будущее, выше, чем в остальных республиках.

Среди проблем, которые их беспокоят сильнее всего, большая часть школьников и студентов во всех республиках назвали три: завершение образования, будущее трудоустройство и материальный достаток. Очевидно, что их это базовые потребности, т. е. обеспечение рабочими местами и постоянным доходом.

Следующая позиция, которая обращает на себя внимание, — оценка общего положения дел в республиках. Здесь преобладают негативные оценки. Так, в Карелии состояние дел в республике оценили как хорошее 2,2 % студентов и 3,8 % школьников; вариант ответа «хорошее, но есть проблемы» выбрали 33,5 % студентов и 42,8 % школьников, остальные респонденты выбрали различные варианты негативной оценки либо затруднились с ответом. В Коми 2,0 % студентов оценили ситуацию как хорошую и так же ответили 8,0 % школьников. Еще около трети опрошенных избрали вариант умеренно позитивной оценки ситуации, но большинство респондентов склонны к ее отрицательной оценке. Но показательно, что в относительно благополучной Удмуртии положение дел оценили как хорошее в целом всего 3,3 % респондентов, 38,0 % дали оценку «хорошее, но есть проблемы». И при этом 48,7 % респондентов оценили положение дел в республике негативно, а 10,0 % затруднились с ответом. Разницы во мнениях между представителями разных этнических групп практически нет.

В Марий Эл и Мордовии преобладали негативные оценки общей ситуации, сложившейся в республиках, и для такого результата есть вполне объективные причины, о которых сказано выше.

Еще одна важная позиция — степень удовлетворенности молодежи жизнью в столицах республик, где самая благоприятная ситуация на рынке труда, сильнее всего развита сфера социального сервиса и т. д. Только в Саранске, еще испытывающем на себе положительное влияние тех позитивных перемен, которые были связаны с преобразованием городской среды перед чемпионатом мира по футболу 2018 г., половина опрошенных оказалась удовлетворенной столичной жизнью. В остальных республиках преобладают негативные оценки положения дел в столицах. Это означает, что «центров благополучия и динамичного развития» в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл практически не осталось, т. е. в пределах регионов уже нет местных центров притяжения.

В Коми только 7 % респондентов указали, что представляют себе пути дальнейшего развития республики, в Удмуртии тоже только 7,8 % респондентов указали, что представляют себе как в ближайшей перспективе будет развиваться республика (в Марий Эл таковых 13,7 %, Мордовии — 12 %), еще 40 % неуверенно заявили, что слышали о неких планах, но не имеют о них ясного представления (Удмуртия — 41,8 %, Марий Эл — 41,7 %, Мордовия — 36 %).

Это означает, что периферийные регионы развиваются в условиях высокой неопределенности, отсутствия должного диалога между властью и населением (на отсутствие эффективной коммуникации между региональными властями

и населением указали около половины экспертов в каждой из республик), люди не имеют ясной социальной перспективы (образа «светлого будущего») и очевидно испытывают дефицит коммуникации с региональными и местными властями, которые оказываются неспособными к тому, чтобы представить населению ясную и понятную программу стратегии развития территорий. А поскольку перспективы развития республик с финно-угорским населением неясны для молодежи, то большинство студентов (включая и представителей титульных групп) не хотят отождествлять себя с местным сообществом: более 80% всех опрошенных студентов заявили, что хотели бы, чтобы их рассматривали прежде всего, как граждан страны, 4% — как представителей определенной национальности и 9% — как жителей республики. Треть опрошенных в 2020 г., как и в предшествующие годы, указали, что в их регионах сформировались сплоченные территориальные сообщества, объединенные общими интересами и традициями.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии наблюдается *кризис молодежного оптимизма и тесно связанный с ним кризис социальных ожиданий, перспектив развития республиканских сообществ.*

Но кризис веры в будущее своих регионов дополняется кризисом веры в способность нынешних элит придать должные стимулы для экономического роста и социального прогресса республик. Большая или значительная часть респондентов (во время опросов 2019 и 2020 гг.) выразили сомнение в том, что политические институты действуют в интересах страны и народа. Хотя стоит заметить, что в Карелии позитивные оценки все же пока немного преобладают над негативными.

Отягощает ситуацию то обстоятельство, что республики с финно-угорским населением в последние годы развивались не по линии гражданской интеграции, формирования прочных территориальных сообществ, объединенных узами гражданской солидарности, общими целями и интересами. Фактически шло символическое разделение сообществ: население делилось на «коренной народ» и «некоренное население» и территориальные сообщества рассматривались как пирамиды, где «коренной народ» находится на вершине. Данная позиция находила отражение в республиканских конституциях, концепциях и программах этнокультурного образования и практиках реализации этнополитики, в которых этничность нередко прямо противопоставляется гражданству [Шабаяв, 2019].

Этнополитические позиции молодежи достаточно устойчивы. Молодежь в большинстве своем считает, что представители всех проживающих в республиках этнических общностей должны быть равны. Большинство полагает, что никто не должен иметь преимуществ и преференций в сфере политической, социальной или культурной жизни. Претендовать на пост главы республики, работать в органах правопорядка и судебной системы, в органах государственной власти и местного самоуправления имеют право представители всех народов России, что справедливо и демократично, и это положение поддерживается большинством опрошенных молодых людей во всех республиках.

Тем не менее когда речь заходит не об отвлеченных идеалах и социально одобряемых позициях, а о конкретных культурных и политических практиках, выясняется, что «равенство» различных групп часто оказывается не более чем пропагандистским клише, которое усвоено молодежью (а равно и другими возрастными группами), но не является их глубинным убеждением. И многочисленные обыденные ситуации, фиксируемые простыми наблюдениями (в том числе и в студенческой среде), подтверждают это. Часть представителей титульных групп готовы на практике поддержать некий их приоритет в республиках, а довольно заметная доля респондентов из числа доминантной группы признает, что русские как численно доминирующее этническое сообщество могут претендовать на доминирование в российском обществе (о чем свидетельствуют результаты опроса 2020 г.), что никак не согласуется с идеей гражданина, гражданской солидарности и республиканской концепцией свободы, равенства и братства, наконец, с идеей гражданской нации. Это означает, что процесс нациестроительства имеет довольно поверхностный характер. Да, как показывают предшествующие исследования, большинство жителей страны сегодня готовы признать себя в первую очередь россиянами, но российская нация и российскость воспринимаются как сугубо политические конструкции, а общероссийская идентичность трактуется как подданническая лояльность, на что обращают внимание эксперты [Ачкасов, 2012, с. 185–186]. Сущность гражданских идеалов не усвоена не только идеологами этнических организаций, которые отстаивают узкогрупповые интересы, но и региональными властями, населением в целом, а система образования, официальная пропаганда и социальная реклама не нацелены на укрепление гражданских идеалов и ценностей, укрепление гражданской солидарности [Шабаев, 2019].

Здесь стоит указать не на декларации и региональные программы укрепления единства российской нации, а на реальные практики этнополитики, которые воздействуют на общественные настроения. На эти практики оказывает сильное влияние идеология так называемого финно-угорского движения.

Базовых идей у этого движения три: 1) приоритетность групповых прав, или так называемых «прав коренных народов», по отношению к правам человека; 2) противопоставление этничности гражданству; 3) эссенциалистское восприятие природы этничности.

Этническое сообщество рассматривается как однородное, целостное социальное образование, в котором общий интерес доминирует над интересами отдельного человека. Личность, которая противопоставляет себя группе и пытается свободно выбирать культурные ценности, оценивается как девиантная [Шабаев, Чарина, 2010].

В идеологии названных этнонациональных движений концепт групповых прав наиболее последовательно реализовался в идее *этнического самоопределения*. Поскольку титульная этническая группа рассматривалась как источник и носитель национально-государственного суверенитета, поскольку право на самоопределение трактовалось как право одной этой группы самоопределяться независимо от полиэтничного состава населения той или иной республики. Таким образом, гражданин и член этнической группы представляются не

как взаимосвязанные социальные позиции личности, которые она занимает в рамках единого сообщества (например, «я россиянин, а по происхождению мариец»), а как противостоящие друг другу социальные категории.

Обоснованием права на этническое самоопределение является тезис о том, что «титulyные этносы» являются «коренными народами», т. е. эти группы рассматриваются как «главные» и «государствообразующие» сообщества, а потому они могут иметь особые права на землю, природные богатства, положение в обществе, претендовать на политическое доминирование в регионе.

Выстраивая подобную «символическую пирамиду», идеологи этнонациональных движений финно-угров отвергали право на культурную свободу личности и требовали прочнее «привязать» личность к культурной группе [Шабает, Чарина, 2010].

При этом в каждой из республик или автономий, где проживают финно-угорские народы, исторически сложились полиэтничные территориальные общности, в рамках которых титульные народы являются меньшинствами, а их доля в составе населения неуклонно снижается. По данным переписи 2010 г., марийцы в Республике Марий Эл составляли 41,8 % населения; мордва в Республике Мордовия — 32,1 %; удмурты в Удмуртской Республике — 27,0 %; карелы в Республике Карелия — 7,1 %; коми в Республике Коми — 22,5 %.

Для сохранения социальной стабильности внутри этих сообществ необходимо, чтобы уровень их консолидации был довольно значителен. Но идея гражданской интеграции не поддерживается этническими активистами и находит слабую поддержку у региональных властей, которые стремятся проявлять лояльность к «коренным народам» и выстраивают местные практики этнополитики таким образом, что гражданская солидарность и общегражданские интересы республиканских сообществ нередко приобретают вторичное значение. Да и сама сущность гражданских прав и гражданских идеалов и региональными властями, и этническими активистами (равно как и категория права) трактовались и трактуются крайне упрощенно, а продуманная стратегия гражданской интеграции в названных республиках до сих пор отсутствует.

Если говорить о российских республиках в целом, то почти все из них являются сложными культурными сообществами. Поэтому формулировка, характеризующая культурную сложность российского общества, присутствует не только в федеральном Основном Законе, но и в Конституциях большинства республик. Однако в рассматриваемых нами случаях республиканские законодатели шли своим путем.

Так, в Основном Законе Республики Карелия, принятом только в 2001 г., присутствует странная отсылка к культурным и историческим корням местного социума, не согласующаяся с историей и современным культурным обликом региона: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов» [Конституция Республики Карелия]. Закономерно возникает вопрос, а почему ее национальные/этнокультурные особенности не определяются проживанием на ее территории финнов, вепсов, русских, которые местные власти объявили «коренными»?

В Конституции Коми, принятой в 1994 г., в ст. 2 провозглашалось: «Носителем суверенитета и единственным источником государственной власти Республики Коми является ее многонациональный народ». Но уже следующая — третья статья как бы опровергала гражданскую и поликультурную сущность местного территориального сообщества и явно вступала в противоречие с предыдущей констатируя, что «коми народ — источник государственности республики» [Конституция Республики Коми, 1994]. Указанное положение было дословно скопировано из резолюции первого съезда коми народа, прошедшего в 1991 г. Между тем очевидно, что в *Основном Законе должны конституцироваться правовые начала, отличающиеся повышенной нормативностью, к которым в данном случае может относиться только такая правовая норма как **право народа (как гражданского, а не этнического сообщества) на самоопределение***. Следовательно, только оно и могло быть источником государственности Коми, как и других республик. В новой версии Конституции Коми упоминание многонационального народа было вообще выброшено из текста.

В Конституции Удмуртии территориальное сообщество делится на удмуртскую нацию и народ Удмуртии, которые как бы противопоставляются друг другу [Конституция Удмуртской Республики].

Современная Конституция Марий Эл формально гарантирует равенство прав всех граждан, но с самого начала 1990-х годов марийское движение добивалось исключительных прав именно для представителей титульной этнической группы. И в Декларации о государственном суверенитете Марий Эл, и в первой версии Конституции 1992 г. республиканское сообщество делилось на «марийскую нацию» и «весь народ республики», а идейной основой этих документов была концепция этнического самоопределения, ибо в преамбуле к нему было сказано: «Верховный Совет... реализуя неотъемлемое право марийской нации, всего народа республики на самоопределение, подтверждает государственный суверенитет Республики Марий Эл на всей ее территории...» [Конституция Марий Эл, 1996, с. 16] Идеи этноцентризма и этнически разделенного общества, трактуемые как отражение культурной специфики республик, присутствуют во многих документах, включая республиканские концепции этнокультурного образования, программы пропаганды культурного наследия и т. д.

Правда, в последние годы в Удмуртии, Карелии, отчасти Марий Эл и Мордовии власти явно взяли курс на усиление во внутриреспубликанских политических и культурных процессах общегражданских начал, но на общественных настроениях это пока заметно не сказалось.

МОЛОДЕЖНОЕ ОТТОРЖЕНИЕ И МОЛОДЕЖНЫЙ ПРОТЕСТ

Общая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в рассматриваемых регионах, определяет и специфический характер настроений молодежи.

В ходе опроса 2019 г. только 13% опрошенных в Коми респондентов однозначно заявили, что они не покинут регион, 36% намерены выехать в другой регион РФ, 20% — за пределы России. Главным мотивом миграции является, согласно заявлениям респондентов, невозможность реализовать себя, оставаясь

в Республике Коми. Иными словами, для молодежи Коми — это бесперспективный регион. В Республике Марий Эл, которая является одним из беднейших регионов Урало-Поволжья, собираются выехать в другой регион намного меньше молодых людей — 24,3% респондентов хотят переехать в другие регионы страны, в другие страны — 11,7%. В Мордовии ситуация схожа с Коми: 32% собираются уехать в другой регион, 24% — в другую страну, т.е. покинуть республику готовы более половины респондентов, а твердо намерены остаться только 18%. В Удмуртии тоже миграционная готовность студентов высока: 45,7% заявили, что намерены выехать из республики и примерно равные доли выбрали местом выезда другой регион РФ и зарубежные страны. Примерно также отвечали жители Коми республики и других северных регионов на данный вопрос и в 2010 г. [Шабаев, 2011].

Влияния миграций на образ жизни и культурные позиции индивида, конечно, есть отдельная и сложная исследовательская проблема, а потому, не останавливаясь на ней подробно, сослещемся лишь на труд «Migration Theory», где подтверждается наше утверждение о том, что миграция есть следствие социальной неудовлетворенности, что она оказывает существенное влияние на социальные настроения и изменение культурных позиций, этнической идентичности мигрантов, *миграцию стоит рассматривать как форму социального протеста* [Brettell, Hollifield, 2000]. В данном конкретном случае молодежь ногами протестует против отсутствия перспектив развития, ограниченных возможностей для социальной мобильности, низкого уровня жизни в республиках и прочих социальных проблем, которые региональные власти оказались неспособны решить.

В связи с этим вполне логично, что *в местных сообществах наблюдается очевидный кризис доверия к политическим институтам*. При этом стоит заметить, что современная российская социология молодежи концентрирует внимание на социальных рисках, связанных с процессами, которые происходят в молодежной среде, в том числе серьезное внимание обращается и на значимость категории доверия [Зубок, Чупров, 2016]. По данным опроса, проведенного осенью 2019 г. среди студенческой молодежи Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии, выявлено, что уровень доверия к местным органам власти разный: в Республике Марий Эл им в той или иной мере доверяют 41% респондентов, в Коми — 37%, в Удмуртии — 25%. Соответственно, не доверяют в разной степени: 26,7%, 44,0%, 40,7%. В 2020 г. эти показатели были следующими в Мордовии в той или иной мере местным органам власти доверяли 36% всех респондентов, в Республике Марий Эл им доверяли 29,4% школьников и 28,6% студентов; в Удмуртии только 38% всех респондентов заявили о своем доверии местным органам власти, в Коми 42,7% школьников доверяли местным властям и 40% студентов, в Карелии соответственно 39,6% и 40,7%. При этом степень недоверия либо превышала степень доверия, либо была примерно равной, но довольно большие группы респондентов вообще не смогли определиться со своим отношением к местной власти, что само по себе показательно. Степень недоверия к федеральным политическим институтам порой была в несколько раз ниже, чем к местным институтам власти, примером чему является отношение к Государственной Думе, Правительству РФ, Президенту страны, а также региональным политическим

институтам и лидерам. При этом стоит заметить, что уровень доверия к региональным политическим институтам хотя и низок, но выше, чем к федеральным, и даже губернаторы порой имеют рейтинг доверия выше, чем общенациональный лидер. Казалось бы, это свидетельствует о возвращении ситуации 1990-х годов, когда авторитет региональных властей был выше, чем федеральных, но ситуация не так проста, ибо имеет место общий кризис доверия к политическим институтам, о чем свидетельствуют и другие исследования [Гудков и др., 2020; Когай, 2018]. А политические позиции губернаторов в республиках весьма уязвимы. Так, главу Коми С. А. Гапликова на выборах осенью 2016 г. поддержали 62% избирателей, а осенью 2019 г. только 6% опрошенных нами студентов заявили о своем доверии губернатору. В 2019 г. году главе Марий Эл, по данным нашего опроса, в той или иной мере выразили доверие 55,3% студентов, а в 2020 г., т. е. год спустя, только 33,3%, и вдобавок ко всему сегодня против него ополчилось марийское движение в лице лидеров «Марий Ушем».

Стимулом к миграции за пределы республик является также и то, что политика республиканских властей не соответствует интересам жителей республик: в Удмуртии об этом заявили 39,5% молодых людей, в Мордовии — 42%, в Коми — 48%. Только в Марий Эл многие молодые люди уверены, что власти работают на благо населения и здесь, кстати, самый низкий уровень миграционной готовности, т. е. достаточно низка доля собирающихся выехать за пределы республики в поисках лучшей жизни.

Начиная с 1990-х годов ведутся разговоры об аполитичности современной молодежи, свидетельством чему якобы является тот факт, что большая ее часть не принимает участия как в федеральных, так и местных электоральных кампаниях. Но явно выраженный абсентизм молодых людей — это тоже политическая позиция, ибо многих из них не удовлетворяет ни сама организация избирательных кампаний, ни предлагаемые варианты политического выбора.

Более того, опрос показал, что в той или иной мере политикой интересуются большинство школьников и студентов и они либо регулярно, либо эпизодически следят за политическими процессами в стране. Ответы на вопросы, касающиеся политического участия, по республикам различаются незначительно, поэтому для примера сошлемся на данные по Удмуртии, причем акцентируем внимание на позициях школьников. Здесь каждый второй подросток (53%) не участвует в политической жизни ни в какой форме, 30% готовы присоединиться к каким-либо политическим акциям эпизодически, но не стремятся к политической карьере или активному политическому участию, 15% опрошенных не состоят в политических организациях молодежи, но при этом планируют в будущем делать политическую карьеру.

Социально-экономическая ситуация, которая наличествует сегодня в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, не является благополучной, уровень доверия к политическим институтам низкий, перспектив развития регионов (образа «светлого будущего») молодежь не видит, а свое положение также оценивает не очень оптимистически, что создает благоприятные условия для роста протестных настроений. И действительно, треть опрошенных респондентов во всех республиках заявили, что они готовы принять личное участие в акциях со-

циального протеста и только пятая часть категорически отвергли возможность подобного рода действий.

При этом важно заметить, что примерно треть опрошенных студентов и школьников во всех республиках регулярно посещает сайты и блоги, в которых пропагандируются радикальные идеи. Правда, большинство опрошенных заявляют, что делают это из любопытства и не разделяют каких-либо радикальных идей. Но очевидно, что здесь надо делать поправку на то, что оговорки связаны со стремлением респондентов скорректировать свои ответы с учетом социально одобряемых позиций.

Реальные ориентации молодежи несколько иные и, как показал опрос, именно интернет-ресурсы (включая блоги, посты и сайты радикальной направленности) являются для нее важнейшим источником информации. Молодежная солидарность и молодежная протестная активность формируются и укрепляются сегодня именно в виртуальном пространстве [Кучукян, 2017].

Практически всю актуальную информацию современные молодые люди черпают из интернета и отчасти электронных СМИ, но именно интернет-ресурсам они в основном доверяют. И хотя информация и сайты блогеров-радикалов им малоинтересны (как заявило большинство респондентов), все же они посещают эти информационные ресурсы и определенную экстремистскую информацию из этих источников усваивают, хотя для того, чтобы понять степень усвоения подобной информации, нужны отдельные исследования и более тонкие исследовательские методы. Пока названная информация находится у них в пассиве, однако при острых социальных потрясениях и активизации протестных настроений в обществе она может подтолкнуть молодежь к участию в протестных действиях. Что и произошло 23 и 31 января 2021 г., когда неожиданно для местных властей сотни молодых людей вышли с антиправительственными лозунгами на улицы Петрозаводска, Сыктывкара, Ижевска, Йошкар-Олы и Саранска. Это было неожиданностью, ибо акции были инспирированы из-за пределов России и маркировались как выступления в поддержку Алексея Навального. Но на периферии у Навального нет никакой поддержки, и поэтому на улицы вышли не сторонники беглого оппозиционера, а та молодежь, которая недовольна общим положением дел в республиках, поскольку оснований для возмущения более чем достаточно.

Попытки некоторых региональных лидеров как-то купировать возникшую ситуацию примирительными заявлениями и выступлениями вряд ли окажут серьезное воздействие на настроения молодежи, если не будут сопровождаться продуктивным диалогом и более эффективной молодежной политикой.

Молодежные протесты, если их игнорировать или неверно идентифицировать, способны привести к формированию некой молодежной фронды. Условия для протестной консолидации молодежи есть, ибо нынешнее молодое поколение живет в совершенно ином социальном и культурном пространстве, чем предыдущие, а местные политические элиты еще не осознали этого.

Сегодняшние молодые люди живут не только в пространстве непосредственных личностных контактов, но в большей мере — в информационном пространстве, и для них актуальны совсем иные социальные технологии, чем для

старшего поколения, на что указывают отечественные исследователи [Радаев, 2020], а также западные разработчики теории поколений и их последователи [Howe, Strauss, 1991; Winston, 2000; Furlong, 2013]. В *глазах нынешней молодежи авторитет не только политиков, но и старшего поколения в целом резко падает*, что связано с изменившимся характером социализации. Если прежде знания передавались от старших к младшим и старшее поколение было носителем социального опыта и актуальных знаний, то сегодня именно молодые (включая школьников и студентов в первую очередь) учат старших постижению нового информационного мира, помогают осваивать им новые технологии. И именно в рамках информационного пространства, как сказано выше, формируется и «накапливается» молодежный протест.

Ситуацию осложняет тот факт, что, по мнению примерно половины экспертов, во всех анализируемых регионах не удалось наладить эффективную коммуникацию между властью и населением, несмотря на формирование цифровых платформ типа «Активный гражданин», «Моя республика» и т.д. При этом проблема превращения молодежи в активных граждан является актуальной как для России [Лупачева, 2018], так и для других стран [Williamson, 2017].

Об актуализации радикальных настроений среди молодежи в названных республиках свидетельствуют и отдельные факты: довольно много молодых радикалов из Мордовии влились в ряды ИГИЛ в Сирии, молодые коми радикалы возродили уже казавшееся умершей этнорадикальную организацию «Дорьям Асьнымос», и они же взяли под контроль столичную организацию межрегиональной общественной организации «Коми войтыр» — ядра коми этнонационального движения.

Но вряд ли молодежные протесты будут канализированы в сфере этнополитики и деятельности этнических движений, поскольку этничность для молодежи не играет существенной роли в социальной конкуренции. И об этом, в частности, свидетельствует отношение молодых людей к трудовым мигрантам. Вероятность того, что молодежь поддержит пикеты или акции против иностранных трудовых мигрантов, а также выступит в поддержку интересов численно доминирующего народа, если они будут организованы лидерами общественных объединений, в том числе русских национальных организаций, согласно данным опроса 2020 г., невелика. Считается, что потенциал межэтнической и особенно межконфессиональной конфликтности во всех республиках невысок (о чем свидетельствуют и результаты опросов населения) и конфликты чаще имеют латентную или бытовую форму. Но межгрупповые конфликты способны принимать и форму открытых публичных протестов, что показала та же ситуация вокруг практики введения обязательного изучения языков титульных групп и затем официальный отказ от этой практики.

Так, опрос 2019 г. (а равно и ряд предшествующих исследований) показал, что если доминантное большинство населения, включая русскоязычную молодежь, выступает против обязательного изучения языков титульных этнических групп, то половина опрошенных в республиках студентов, называющих себя представителями «коренных народов», выступили именно за то, чтобы все остальные этнические группы в обязательном порядке изучали их этнические

языки. Такая позиция, конечно, противоречит как идее культурной свободы, так и идее конституционного равенства граждан, но она отражает тот факт, что гражданское сознание в молодежной среде не укоренилось, ибо ни система образования, ни социальная реклама, ни местные политики не пропагандируют гражданские идеалы и гражданскую солидарность как важнейшие общественные ценности, а в региональных моделях этнополитики очевидны этнический фаворитизм и этноцентризм.

Вместе с тем активно поддерживать язык молодежь не намерена, хотя в 2018 г. и национальная интеллигенция, и этнические активисты выступили против отмены обязательного изучения языков титульных этнических групп в республиках (в Мордовии оно было введено в 2003 г., в Коми — в 2011 г., в Марий Эл — в 2013 г.). В столице Коми было собрано 3000 подписей под обращением в адрес Главы РК, что заставило местные власти на время отложить изменение практики изучения регионального языка в школах республики.

Апофеозом протестов стало событие, произошедшее 19 сентября 2019 г. в Ижевске, которое потрясло не только всю республику, но стало предметом дискуссий российских экспертов [Смерть языка..., 2019]. Перед зданием парламента Удмуртии совершил акт саможжения активист удмуртского движения 79-летний ученый Альберт Разин. Разин являлся одним из основателей удмуртского этнического движения, а в последние годы увлекся язычеством и проводил языческие моления, целью которых являлась поддержка удмуртского языка. Акт самопожертвования ради идеи, совершенный Разиным, стал следствием неудовлетворенных требований, выдвинутых лидерами наиболее массовой удмуртской организации «Удмурт Кенеш» («Удмуртский Совет»). Эти требования касались изменения принципов языковой политики в республике и были продиктованы стремлением добиться культурного и политического доминирования удмуртов в Удмуртской Республике [Шабает, Миронова, 2020].

Поступок Разина — это форма демонстративного отрицания существующей практики межкультурного взаимодействия в регионе, самый радикальный способ заявить о своей позиции, вызывающий, с одной стороны, уважение и сопереживание, а с другой — непонимание, поскольку идеи Разина для мультикультурного сообщества неприемлемы.

Тем не менее молодежь не только не поддержала протестов, но и не заметила столь громкой акции. Годовщина смерти А. А. Разина прошла почти незаметно. В отдельных изданиях появилась информация о сборе средств на памятник удмуртскому активисту, а почтить его память собрались только друзья и родственники. Каких-либо радикальных выступлений либо плакатов с экстремистскими лозунгами замечено не было. Только в центре Казани в годовщину смерти Разина прошел одиночный пикет, организованный лидером союза татарской молодежи «Азатлык» Наилем Набиуллиным, который вышел с плакатом «Альберт Разин живет в сердцах миллионов».

Более того, идеи этнического национализма и пропаганды культурной отличительности, которые прямо или косвенно присутствуют как в политических практиках, так и в общественных настроениях в «финно-угорских республиках» наложили свой отпечаток и на настроения молодежи. Наши исследования де-

монстрируют внутреннюю разобщенность республиканских сообществ, что стало итогом многолетнего противопоставления в политических практиках этничности и гражданства и приоритетного внимания к пропаганде культурной отличительности, а не исторического единства россиян и представителей региональных сообществ. Опрос показал, что повседневная толерантность не присуща большинству молодежи, и лишь треть из опрошенных молодых людей во всех республиках не отметила в своих ответах каких-либо этнических, религиозных или социальных групп, соседство с которыми для них нежелательно. Тем не менее, как отмечают некоторые региональные эксперты, активизация процесса нациестроительства позитивно сказывается на общественных настроениях. К примеру, в Карелии за последние годы заметно снизилось негативное отношение к кавказцам и мусульманам, а также к мигрантам вообще, хотя определенная настороженность к ним все же сохраняется, как, впрочем, и в остальных республиках с финно-угорским населением.

При этом стоит еще раз указать, что для молодежи и десять-пятнадцать лет назад, и сегодня этничность не является доминирующим или даже существенно значимым культурным маркером. Поэтому ей не интересны ни этнонациональные организации, ни их идеи, ни их лидеры. Как показал опрос 2020 г., 40 % молодежи ничего не знает об этнических движениях и организациях, не владеет информацией ни об их деятельности, ни даже о самом их существовании, а с одобрением относится к деятельности подобных организаций только пятая часть респондентов.

Не случайно на всех этнических съездах среди участников видны лишь одни седые головы, а основные идеи и лозунги сотворены и поддерживаются писателями и национальной гуманитарной интеллигенцией, принадлежащей к старшему поколению карелов, коми, удмуртов, марийцев и мордвы.

И в связи с этим стоит заметить, что значительная часть старшего поколения россиян (которое «родом» из СССР), а особенно этнических меньшинств, родились в селе, и сельский образ жизни, крестьянские традиции для них остаются культурным идеалом. Не случайно одним из самых заметных и популярных течений в советской литературной традиции, включая и литературу малых народов, с 1960-х годов была так называемая деревенская проза, которая в основе своей отличалась антиурбанизмом, воспевала идиллию досоветской сельской жизни и символически противопоставляла ее советской унификации [Партэ, 2004]. В литературных традициях малочисленных народов до сих пор и герои, и основные сюжеты связаны с сельской жизнью, а сами писатели в подавляющем большинстве — выходцы из села, где их соседями и родственниками были представители того же самого этнического сообщества, что и они [Большая литература..., 2007]. И именно писатели вместе с местными учеными-гуманитариями в начале 1990-х годов были идеологами возникших тогда многочисленных этнических движений и вдохновителями так называемого «этнического ренессанса», сущностью которого стал призыв к «возрождению национальных культур», этнических традиций.

Однако молодежь не принимает идей этнических движений в силу того, что ее культурная среда принципиально отличается от символов веры старшего

поколения и интеллектуалов из числа этнических меньшинств. Современная финно-угорская молодежь — это преимущественно городская молодежь, ибо с середины 1950-х годов шел активный процесс преобразования сельских сообществ в городские, и именно молодежь активно уезжала из сел в города, усваивая здесь новый образ жизни. Для нее космополитичная городская среда естественна так же, как общение только на русском языке (что вовсе не означает отказа от этнической идентичности). Фольклорные традиции и культурное наследие предков воспринимаются как «культурный гербарий», а нормы культурного потребления определяются массовой культурой и сетевыми предпочтениями и веяниями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-экономическая ситуация, которая наличествует сегодня в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии является весьма проблемной, уровень доверия молодежи к местным и к федеральным политическим институтам низкий, перспектив развития регионов молодежь не видит и свое будущее также оценивает не очень оптимистично, что создает благоприятные условия для роста протестных настроений. На личную готовность к участию в акциях социального протеста уже указывает треть опрошенных молодых людей.

При этом стоит указать, что для молодежи сегодня, как и десять лет назад, этничность не является доминирующим или даже существенно значимым культурным маркером. Некоторые идеи этнического национализма частью молодых людей поддерживаются главным образом потому, что идеи гражданства и гражданских идеалов в общественном и политическом пространстве республик все еще не укоренились, а не потому, что их тридцать лет пропагандируют лидеры этнических организаций финно-угров, а равно и идеологи русского националистического движения.

Этнические традиции для молодежи — это культурная архаика, ей интересны новации, и потому сфера ее культурных интересов лежит в интернет-пространстве и глобальных системах коммуникаций. Но определенная культурная оппозиция к старшему поколению не ведет к радикальной смене культурных ценностей и ориентиров. Как показали наши исследования, российская периферийная молодежь в целом все еще склонна придерживается традиционных ценностей (в том числе семейных и религиозных), а потому идеи ЛГБТ-сообщества или движения антиглобалистов она не поддерживает. Поэтому говорить о конфликте поколений нет оснований, но можно утверждать, что различия между старшим поколением и современной молодежью слишком глубоки, чтобы можно было обеспечить успешную трансляцию символических ценностей от старшего поколения к младшим. Нынешняя молодежь как отторгает прежние культурные идеалы, так и отказывают в доверии действующим политическим институтам и политическим лидерам.

Но будущее периферийной российской молодежи выглядит неопределенным, и она находится в состоянии культурного и политического перепутья. По-

этому очевидна необходимость как активизации региональной молодежной политики, так и существенной ревизии методов ее практической реализации.

Литература

Ачкасов В. А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте проблемы безопасности. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. 232 с.

Большая литература малых народов. Финно-угорская литература. Вып. 2 / сост. Е. Н. Ломб. Екатеринбург: СЛМБ, 2007. 60 с.

В Мордовии сосчитали молодежь. 2020. URL: <https://saransk.bezformata.com/listnews/v-mordovii-soschitali-molodyozh/86365112/> (дата обращения: 12.05.2021).

Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. Российское «поколение Z»: установки и ценности. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).

Демографическая ситуация в республике за 2019 год. 2020. URL: <https://komi.gks.ru/news/document/83594?print=1> (дата обращения: 12.05.2021)

Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого, медианного и модального), в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2019 год. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1> (дата обращения: 12.05.2021)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в самореализации социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся социальной реальности // Проблемы развития территорий. 2016. № 5 (85). С. 29–37.

Когай Е. А. Потенциал модернизационных преобразований российского макрорегиона на примере Центрального Черноземья // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 147–160.

Конституция Республики Карелия. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/ (дата обращения: 12.05.2021).

Конституция Республики Коми // Красное знамя. 1994. 10 марта.

Конституция (Основной Закон) Республики Марий Эл // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 2: Национальные движения Марий Эл/Сост. С. М. Червонная. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 91–118.

Конституция Удмуртской Республики URL: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_pravit.php (дата обращения: 12.05.2021)

Кучукян А. В. Феномен коммуникативной солидарности в молодежных протестных сообществах // Историческая и социально образовательная мысль. Том 9. №1/2, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kommunikativnoy-solidarnosti-v-molodezhnyh-protestnyh-soobschestvah> (дата обращения: 12.05.2021).

Лупачева Н. С. Основные проблемы государственной молодежной политики в России и пути их разрешения // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-problemy-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-v-rossii-i-puti-ih-resheniya/viewer> (дата обращения: 12.05.2021).

Лычагин А. Не в тренде: как Карелии преодолеть агропромышленный кризис. 2017. URL: <https://fedpress.ru/article/1889440> (дата обращения: 12.05.2021).

Молодежь в России. 2010. Статистический сборник / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. 166 с.

Обухова К. Н., Колесников Д. О. Социально-экономическое положение молодежи на территории Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 2. С. 131–138.

О государственном докладе о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2018–2019 годах. 2020. URL: <http://docs.cntd.ru/document/570919676> (дата обращения: 12.05.2021).

Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 204 с.

Прока Н. И., Мартынов К. П. Проблемы развития сельского хозяйства Республики Мордовия. 2019. URL: http://www.sisupr.mrsu.ru/2012-4/PDF/Proka_Martinov.pdf (дата обращения: 12.05.2021)

Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 4. С. 31–60.

Распределение численности населения республики Карелия по возрастным группам. URL: http://krl.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/9d83f6804dca9bb1bb2bf0d534aab22/72271.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

Регионы России. Социально-экономические показатели, 2018: Статистический сборник. М.: Росстат, 2018. URL: https://uisrussia.msu.ru/stat/Publications/Reg2018-2/Reg2018-2_index0.htm (дата обращения: 12.05.2021).

Регионы России: Статистический сборник. 2000. М.: Госкомстат России, 2000.

Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки. 2020. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/gosdolg_10/2020.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

Рейтинг регионов России по качеству жизни-2021. 2021. URL: <http://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html> (дата обращения: 12.05.2021).

Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / отв. ред. Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2019. 260 с.

Социально-экономическая, демографическая, этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Коми, Республике Марий Эл, Республике Удмуртия, Республике Мордовия, Республике Карелия. Сборник экспертно-аналитических докладов / отв. ред. М. А. Омаров. М.: Из. центр РГГУ, 2019. 285 с.

Шабает Ю. П., Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Изд-во СПбГУЭСЭ, 2010. 275 с.

Шабает Ю. П. Народы Европейского Севера России: положение. Специфика идентичности // СОЦИС. 2011. № 2 С. 54–63.

Шабает Ю. П. Управление культурным многообразием России: опыт национальных республик. М.: Из. центр РГГУ, 2019. 171 с.

Шабает Ю. П., Миронова Н. П. Феномен Удмуртии-2: молодежь vs этнические антрепренеры // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 94–116.

Шабает Ю. П., Подоплёкин А. Европейский Север России: этнополитика и кризис местных сообществ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017, т. 13, № 1. С. 103–122.

Шабает Ю. П., Садохин А. П. Этнополитология: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 319 с.

Шабает Ю. П., Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Изд-во СПбГУЭСЭ, 2010. 275 с.

Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. Тишков В. А., Воронцов В. С., Степанов В. В. М.; Оренбург; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. 158 с.

Brettell C. B., Hollifield J. F. (eds.). Migration Theory: Talking across discipline. New York; London: Routledge, 2000. 239 p.

Furlong A. Youth Studies: An Introduction. Abingdon: Routledge, 2013. 300 p.

Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. 538 p.

Williamson H. Supporting Young People. Vol. III: Looking to the future. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2017. 128 p.

Winston S. C. Hemingway's France: Images of the Lost Generation. San Francisco: Woodford Publishing, Incorporated, 2000. 160 p.

Шабает Юрий Петрович — д-р ист. наук, стар. науч. сотр.; yurshabaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 16 июня 2021 г.;

рекомендована в печать: 26 июля 2021 г.

Для цитирования: Шабаяев Ю. П. Молодежный вызов на российской периферии: положение молодежи в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 3. С. 288–310. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.305>

YOUTH CHALLENGE IN THE RUSSIAN PERIPHERY: THE SITUATION OF YOUTH IN KARELIA, KOMI, UDMURTIA, MARI EL AND MORDOVIA

Yuri P. Shabaev

Institute of Language, Literature and History Komi Science Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
26, Kommunisticheskaya ul., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; yupshabaev@mail.ru

The article analyzes the views developed and positions taken by young people from the so-called “Finno-Ugric republics” of the Russian Federation. This analysis is based on a series of surveys conducted in the five republics in 2020, as well as on official statistics and other materials. It is shown that the multilateral crisis that takes place in these republics has a serious impact on the positions and orientations of the young people and it results in an increase of their protest sentiments, a decrease of their trust in regional and federal political institutions as well as other negative phenomena. The mass migration of young people away from their republics represents the main form of their protest. At the same time, a rather high degree of the young people’s readiness for active protest actions has been recorded. The significance of ethnicity for the social and cultural positioning of the young people is minimal. Ethnic conflicts do occur, but they are mostly of a routine and latent nature. Generally, young people support the idea of equality of representatives of all ethnic groups in the political and social life of the republics. The few ethnic prejudices present among the youth are more likely to be a consequence of the lack of an active integration policy in the regions rather than a result of an ethnic nationalist ideology or propaganda spread by ideologists and activists of ethnic movements. The majority of young people are not interested in ethnic organizations, and the influence of the older generation and its values (including the values of traditional culture) is limited, because the cultural environment of young people is formed primarily under the influence of information communication networks and Internet resources. Ethnic ideals and values do not fit into this space, which explains why the ethnic movements of the Finno-Ugric peoples lack a youth audience.

Keywords: youth, youth policy, ethnicity, social risks, youth protest.

References

- Achkasov V. A. *The identity politics of multi-ethnic states in the context of the security problem*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2012. 232 p. (In Russian)
- Brettell C. B., Hollifield J. F. (eds.). *Migration Theory: Talking across discipline*. New York; London, Routledge, 2000. 239 p.
- Constitution of the Republic of Karelia*. Available at: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/ (accessed: 12.05.2021).
- Constitution of the Komi Republic. *Krasnoe znamia*, 1994, March 10. (In Russian)
- Constitution (Basic Law) of the Republic of Mari El. *Probuzhdenie finno-ugorskogo severa Opyt Mari El. T. 2. Natsional'nye dvizheniia Marii El*, comp. S. M. Chervonnaya. Moscow, IEA RAN Publ., 1996, pp. 91–118. (In Russian)
- Constitution of the Udmurt Republic*. Available at: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_pravit.php (In Russian)
- Demographic situation in the republic in 2019, 2020*. Available at: <https://komi.gks.ru/news/document/83594?print=1> (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Ethnocultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal District. Expert report, ed. by Tishkov V. A., Vorontsov V. S., Stepanov V. V. Moscow; Orenburg; Izhevsk, Institute of Computer Research, 2017. 158 p. (In Russian)

Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipia K., Ryseva A. *Russian "Generation Z": Attitudes and Values*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moscow/16135.pdf> (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Large literature of small peoples. Finno-Ugric Literature, iss. 2, comp. E. N. Lomb. Yekaterinburg, SLMB, 2007. 60 p. (In Russian)

Furlong A. *Youth Studies: An Introduction*. Abingdon, Routledge, 2013. 300 p.

Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Company, 1991. 538 p.

Is the death of the tongue the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring states, ed. by E. I. Filippova, S. V. Sokolovsky. Moscow, IEA RAN Publ., 2019. 260 p. (In Russian)

Kogay E. A. Potential of modernization transformations of the Russian macro-region on the example of the Central Black Earth Region. *Monitoring odshchestvennogo mneniia. Ekonomicheskie i sotsial'nye izmeneniia*, 2018, no. 6, pp. 147–160. (In Russian)

Kuchukyan A. V. The phenomenon of communicative solidarity in youth protest communities. *Istoricheskaia i sotsial'no obrazovatel'naia mysl'*, vol. 9, no. 1/2, 2017. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kommunikativnoy-solidarnosti-v-molodezhnyh-protestnyh-soobshchestvah> (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Lupacheva N. S. The main problems of state youth policy in Russia and ways to resolve. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*. 2018. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-v-rossii-i-puti-ih-resheniya/viewer> (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Lychagin A. *Not in trend: how to overcome the agro-industrial crisis in Karelia*, 2017. Available at: <https://fedpress.ru/article/1889440> (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Obukhova K. N., Kolesnikov D. O. Socio-economic situation of youth on the territory of the Udmurt Republic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2019, vol. 3, iss. 2, pp. 131–138. (In Russian)

On the state report on the situation of youth in the Udmurt Republic in 2018–2019, 2020. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/570919676> (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Parte K. *Russian Village Prose: A Bright Past*. Tomsk, Publishing house of Tomsk University, 2004. 204 p. (In Russian)

Population distribution of the Republic of Karelia by age group. Available at: http://krl.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/9d83f6804dca9bb1bb2bfb0d534aab22/72271.pdf (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Proka N. I., Martynov K. P. *Problems of agricultural development in the Republic of Mordovia*, 2019. Available at: http://www.sisupr.mrsu.ru/2012-4/PDF/Proka_Martinov.pdf (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Radaev V. V. The split of the millennial generation. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2020, vol. 26, no. 4, pp. 31–60. (In Russian)

Rating of subjects of the Russian Federation by the level of debt burden. Available at: http://vid1.rian.ru/ig/raitingosgodolg_10/2020.pdf (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Rating of Russian regions by quality of life-2021. Available at: <http://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html> (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Regions of Russia. Social and Economic Indicators: Statistical book. 2018. Moscow, Rosstat Publ., 2018. Available at: https://uisrussia.msu.ru/stat/Publications/Reg2018-2/Reg2018-2_index0.htm (accessed: 12.05.2021).

Regions of Russia: Statistical book. 2000. Moscow, Goskomstat Publ., 2000.

Shabaev Yu. P. *Managing Russia's Cultural Diversity: Experience of National Republics*. Moscow, RGGU Publ., 2019. 171 p. (In Russian)

Shabaev Yu. P. Peoples of the European North of Russia: position. The specifics of identity. *SOTSIS*, 2011, no. 2, pp. 54–63. (In Russian)

Shabaev Yu. P., Charina A. M. *Finnno-Ugric nationalism and civil consolidation in Russia (ethnopolitical analysis)*. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2010. 275 p. (In Russian)

Shabaev Yu., Mironova N. Phenomenon of Udmurtia-2: youth vs ethnic entrepreneurs. *Issues of ethnopolitics*, 2020, no. 1, pp. 94–116. (In Russian)

Shabaev Yu. P., Podoplekin A. European North of Russia: ethnopolitics and the crisis of local Communities. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX*, 2017, vol. 13, no. 1, pp. 103–122. (In Russian)

Shabaev Yu. P., Sadokhin A. P. *Ethnopolitics*. Moscow, UNITI-DANA, 2015. 319 p.

Socio-economic, demographic, ethnopolitical and ethnocultural situation in the Komi Republic, the Mari El Republic, the Udmurtia Republic, the Mordovia Republic, the Karelia Republic. Collection of expert and analytical reports, ed. by M.A. Omarov. Moscow, RGGU Publ., 2019. 285 p. (In Russian)

The share of the population with average per capita money incomes below the boundaries established on the basis of the actual level of cash incomes of the population (average per capita, median and modal), in Russia as a whole and in the constituent entities of the Russian Federation in 2019. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1> (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Williamson H. *Supporting Young People (Volume 3): Looking to the future*. Strasbourg, Council of Europe Publishing, 2017. 128 p.

Winston, S. C. Hemingway's France: Images of the Lost Generation. San Francisco, Woodford Publishing, Incorporated, 2000. 160 p.

Young people were counted in Mordovia, 2020. Available at: <https://saransk.bezformata.com/listnews/v-mordovii-soschitali-molodyozh/86365112/> (accessed: 12.05.2021). (In Russian)

Youth in Russia, 2010. Statistical book / UNICEF, Rosstat. Moscow, ISC "Statistics of Russia" Publ., 2010. (In Russian)

Zubok Yu. A., Chuprov V.I. Trust in the self-realization of social interactions of young people in the changing social reality. *Problemy razvitiia territorii*, 2016, no. 5(85), pp. 29–37. (In Russian)

Received: June 16, 2021

Accepted: July 26, 2021

For citation: Shabaev Yu. P. Youth challenge in the Russian periphery: The situation of youth in Karelia, Komi, Udmurtia, Mari El and Mordovia. *Political Expertise: POLITEX*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 288–310. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.305> (In Russian)